

(The Dominion Post, Sunday February 23, 2003)

“Consulting Toi Maori Aotearoa (Maori Arts New Zealand) was the first thing we did.”

(The Dominion Post, Thursday February 27, 2003)

Таким образом, публицистический стиль в большей мере, нежели другие функциональные разновидности литературного языка, подвержен колебаниям стилевых норм. Одну из наиболее популярных разновидностей этого стиля составляет газетный стиль. По мнению Д. Б. Пена, ближайшие годы станут для лингвистики газетного текста годами стремительного развития, что вызвано как гносеологическими, так и онтологическими причинами. Первые определены масштабностью открывающихся перед лингвистикой газетного текста задач и тем, что часть этих задач может быть решена исключительно теоретическим путем. Онтологические причины предопределены усилением роли средств массовой информации и пропаганды в современном обществе (Пен 1991: 3).

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. - М., 1990.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М., 1980.
4. Пен Д.Б. Слово и тема в газете (опыт анализа лексико-тематических структур). - Ростов-на-Дону, 1991.
5. Сапогова Л.И. Реалии: фактор времени // Вопросы лингвистической семантики. Вып. 3. - Тула, 1979. – С. 54-57.
6. Томахин Г.Д. Реалия в культуре и языке // ИЯШ №1. - М., 1987. – С. 66-72.
7. The Dominion Post. NZ. 2003.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ XVI ВЕКА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛОГИЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Е.Н. Михайлова
Белгород

Эпоха Возрождения по праву занимает особое место в истории западноевропейской научной мысли. Стремление объять необъятное, отличавшее практически всех представителей ренессансной культуры, по-своему отражает синкретизм, ставший в ту пору одной из главных черт мышления нового человека, что и воплотилось в большей или меньшей степени во всех творениях Ренессанса.

Исключительная открытость европейского Возрождения привела к тому, что внутри этого типа культуры нашли отражение античный политеизм и христианство, наследие греко-латинской учености и средневековая схоластика, космологичность античной философии и эстетики и теологичность христианской морали, беспримерная отвага в постановке и решении сложнейших задач и понимание слабости и даже ничтожности человеческой природы.

Все это дает ученым основание видеть в культуре Возрождения совпадение противоположностей или синтез всех доступных кругозору духовных и культурных начал.

Бурный расцвет научного знания, искусства, литературы в XVI в. в Европе, стал во многом возможен благодаря диалогичности ренессансной культуры. Гуманисты вступили в беспрецедентную по своему размаху дискуссию, принимавшую довольно часто вид ожесточенной полемики со всем миром – со своими современниками и мыслителями античности и Средневековья, с соотечественниками и представителями многонационального содружества гуманистов. Нападая на своих явных и мнимых оппонентов, они, тем не менее, не отказывали их воззрениям в праве на существование. Эта своеобразная снисходительность ренессансного свободомыслия имела в своей основе жесткий прагматизм: именно так мыслители Нового времени стремились возвеличить себя, противопоставляя собственную просвещенность «ограниченности» и «заблуждениям» других.

Благодаря открытому и в определенной мере толерантному характеру гуманистического мировосприятия в эту эпоху оказалось возможным сосуществование трех разновременных культур – античной, средневековой и собственно ренессансной во всем многообразии ее национальных вариантов. Этот уникальный в своем роде феномен подлинного диалога культур в едином пространственно-временном континууме по-особому преломился в сфере французской грамматики.

Одним из очевидных свидетельств диалогичности знания о языке в то время стало то, что немалое число ренессансных грамматик было написано в форме диалога. С точки зрения дидактической ценности, вопросно-ответный способ представляет собой оптимальную форму для первичного изложения интеллектуально насыщенной информации, поскольку, как отмечает Н.Б.Мечковская, расчленяя его содержание на небольшие порции смысла, он позволяет в каждой из них выделить самое главное. Не случайно эта форма получила свое отражение при составлении учебных текстов различного содержания, в том числе конфессиональной дидактической литературы (Мечковская 1998: 109-110).

В грамматических сочинениях XVI века катехизическая или вопросно-ответная форма изложения нашла довольно широкое применение. К ней прибегали не только авторы элементарных грамматик, но и теоретики языка, излагавшие таким образом либо отдельные пассажи своих работ, либо сочинения целиком. К числу наиболее известных принадлежат труды Меланхтона, Ласкариса, Вателия, Пьера Колумба, Жана Боске, некоторые работы Иоанна Делотера, Петруса Рамуса.

В ту пору существовало два вида «диалогов»: первый – *вопросник*, или диалог между Учеником и Учителем, второй – *разговорник*, или диалог, представлявший собой перечень примеров хорошего узуса, а также тематические словники и образцы диалогов на повседневные темы.

Первый тип диалога – эротемы (*erotemata*) – издавна широко использовался при обучении грамматике, например, «Малое Руководство» Доната,

грамматика Алкуина. В доренессансный период наиболее распространенным видом эротем был такой, в котором вопросы задавал Учитель, а Ученик давал на них ответы. Воспроизводя ситуацию опроса на уроке, позднеантичные и средневековые эротемы отражали таким образом *пассивную* роль Ученика как познающего субъекта. В эпоху Возрождения, утверждение Человека как активной творческой личности привело к тому, что в эротемах нового типа Ученик занял *активную* позицию: теперь уже он формулировал вопросы, а Учитель давал на них ответы.

Новой формой диалога в эпоху Возрождения стал *разговорник*, основу которого представляли образцы бесед на повседневные темы. Если первый тип диалога получил отражение преимущественно в грамматиках классических языков, то данный тип был широко представлен в грамматиках живых языков. Тематика диалогов была всецело обусловлена особым характером предназначенности этих работ. Подавляющее большинство из них было написано специально для обучения престижным европейским языкам знатных лиц (чаще всего лиц королевской крови), поэтому в разговорниках получила отражение повседневная жизнь этого круга: приемы иностранных послов, распоряжения придворным и слугам, беседы во время охоты и т.п.

Большинство грамматик, написанных в форме эротем, относится к первой половине 16 века, впоследствии вопросно-ответная форма изложения в грамматике постепенно уступила место монологической. Обращает на себя внимание то, что вытеснение эротем из грамматического описания происходило в то время, когда диалог стал не только модной литературной формой, но и одной из предпочтительных форм изложения в научной литературе эпохи Возрождения. По свидетельству Л. Ольшки, диалог завладел всеми, даже для него неподходящими дисциплинами: так, Макиавелли трактовал в этой форме военное искусство, Лодовико Дольчи – учение о цветах, Дж. Бруно и Галилей – вопросы устройства Вселенной (Ольшки 1934: 195-198).

Упразднению эротем в грамматике в определенной мере способствовало развитие книгопечатания, которое открыло широкие возможности для ускорения темпов передачи информации и вовлечения в сферу обучения все большего количества людей. В результате этого на смену вопросникам пришли грамматические трактаты, монологическая форма изложения которых нередко содержала элементы полемического стиля, столь характерного для той эпохи. Попытки отстаивать свою точку зрения на язык у таких известных авторов, как Ю. Ц. Скалигер, Л. Мегре, П. де ла Раме, Ф. Санчес, А. Этьен, похожи, по свидетельству ряда ученых, на горячую борьбу за религиозные убеждения (Clément 1898 : 145; Hausmann 1980 : 317-318 ; Stéfanini 1976 : 319).

Таким образом, диалог в грамматиках XVI века стал не только особой формой изложения материала, но одним из факторов, обеспечивших движение мысли в эпоху Возрождения.

Другим значимым свидетельством диалогичности в сфере грамматики является вопрос о выборе *языка-инструмента* грамматического описания. Как известно, в эпоху Возрождения латынь сохраняла статус универсального языка науки, поэтому ранние грамматики национальных языков, как пра-

вило, были латиноязычными. Со временем в качестве языка-инструмента грамматического описания все чаще выступали так называемые «вульгарные» языки.

Вопрос о выборе языка-инструмента грамматического описания в европейских традициях, входящих в единый латинский культурный ареал, неоднократно поднимался в научной литературе. На основании сведений, полученных в результате сопоставления характерных особенностей разных традиций, Б.А.Ольховиков пришел к выводу о том, что путь формирования жанра национальных грамматик был отмечен постепенным устранением расхождения между языком-объектом и языком-инструментом описания (Ольховиков 1985: 139). Эта тенденция в целом протекала в русле гуманистической программы, направленной на защиту и прославление родных языков. Тем не менее, в грамматике она была predetermined иного рода, чем в других отраслях знания, коммуникативными интенциями: прежде всего стремлением подражать наиболее авторитетным грамматистам прошлого, составлявшим свои работы на том языке, который описывали – Варрону, Квинтилиану, Донату, Присциану и др.

Стремление придерживаться испытанной временем и сильной своими авторитетами традиции уживалось в ренессансных грамматиках с отходом как от традиционного образа мышления, так и от отшлифованных веками форм его выражения. В частности, авторы, писавшие по-латински, не избежали некоторой ограниченности в описании форм и в постижении глубинной сущности явлений французской языковой действительности. В целом обращение к латыни как языку изложения грамматического материала повлекло за собой сохранение не только канонических определений, но и схоластических приемов мышления. Аналогичная ситуация сложилась в то время и в других областях знания. Как пишет Л.Ольшки, многие исследователи невольно попадали в чужие и старые ходы мысли, куда их заманивали готовые и заученные слова и обороты речи (Ольшки 1934: 47). Напротив, грамматики, написанные по-французски, отличаются большей гибкостью в отражении и истолковании своеобразия строя французского языка. При том, что их авторы пользовались известными формулами, переведенными с латыни на французский язык, эти работы гораздо богаче новыми идеями, нестандартными решениями и свободными рассуждениями о языке, чем латиноязычные грамматики, в которых стремление приблизиться к образцу, как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания, стирало черты авторской индивидуальности. Вместе с тем нельзя не признать, что латиноязычные филологические сочинения таких эрудитов, как Рамус или А.Этьен, не уступают по оригинальности наиболее ярким сочинениям эпохи, написанным на национальных языках. Иначе говоря, у авторов, имевших собственные идеи, даже латынь приобретала черты живого языка, а изложение этих идей освобождалось от всякой искусственности, клишированности и догматизма.

Таким образом, устранение расхождения между языком-объектом и языком-инструментом грамматического описания привело к тому, что тексты грамматик, написанные на «вульгарном» языке, стали служить подлин-

ным образцом обихода и грамматической правильности, своего рода катехизисом правильности образованного человека.

И, наконец, сложившаяся в эпоху Возрождения *ситуация языковой смены*, не знавшая себе аналогов в европейской истории, обеспечила особое отношение европейских гуманистов к своему языку и другим языкам – старым и новым. Закономерным следствием сложившейся ситуации стало то, что вся система грамматического знания в то время строилась вокруг процессов *взамоориентации* и *взаимоосвещения* языков, отражавших разное мировидение и миропонимание.

Одним из путей, посредством которого осуществлялась кристаллизация новой грамматической парадигмы и происходило становление новой языковой доктрины на базе греко-латинской грамматической модели, стал поиск межъязыковых соответствий, т.е. то, что с полным основанием может быть названо *принципом языкового релятивизма*. В числе ключевых понятий этого принципа применительно к данной эпохе стали «сходство», «различие», «подражание», «аналогия». Поиск межъязыковых соответствий и расхождений привел к появлению сопоставительных грамматик, которыми так богат был XVI век. Как отмечает Б.А.Ольховиков, для этого вида грамматического описания характерно наличие следующих компонентов: 1) строгий учет греко-латинской традиции, 2) явное или неявное сопоставление классических и новых литературных языков, 3) подвижность языковой и метаязыковой частей грамматического описания (Ольховиков 1985: 245).

Все эти компоненты широко представлены во французских грамматиках эпохи Возрождения. Описание языка в них строится по такой модели, чтобы на нее можно было полностью перенести основные смыслы, получившие отражение в классических текстах. В качестве свода или систематизированного каталога основных смыслов в первых национальных грамматиках были использованы категории классических языков, что позволило французским гуманистам выявить черты, составлявшие своеобразие их родного языка.

В известной мере формированию сопоставительного уклона в ренессансных грамматиках способствовали труды Варрона, Квинтилиана, Макробия, Присциана, представлявшие собой наиболее ранние в истории европейской традиции попытки по систематическому сравнению латинского языка с греческим. Их авторитет вынуждал гуманистов эпохи Возрождения следовать за ними в вопросе установления соответствий между родным и другими языками (прежде всего латинским, греческим и итальянским), воплощавшими в то время представление о языке-эталоне.

Анализ ренессансных грамматик дает далеко не однородную картину применения данного принципа в анализе фактов французского языка. Широко представлен он прежде всего в педагогических грамматиках. Тонкие и верные наблюдения их авторов за формами и значениями слов позволили им сделать сопоставление французского языка с латинским не только эффективным средством двуязычной педагогики, но и привели к необходимости глубокого осмысления выявленного своеобразия родного языка, определив тем самым круг проблем для объяснительной грамматики.

К числу наиболее последовательных приверженцев поиска межъязыковых соответствий и расхождений принадлежат Робер и Анри Этьены. В частности, в знаменитом трактате Р.Этьена (1556) наряду с отдельными замечаниями относительно сходств и различий между французским и латинским, французским и греческим языками, представлена развернутая картина латинско-французских соответствий, представляющая собой один из ранних опытов использования метода этимологических реконструкций. И хотя среди приводимых им форм встречаются подчас и ложные этимологии, а явлениям, скрупулезно отобранному и строго систематизированному, не дано научного объяснения, в целом картина этимологических разысканий у этого известного издателя XVI века выглядит вполне убедительно. Более того, в них со всей очевидностью прослеживаются предпосылки и прообраз сравнительно-исторического метода, рождение которого в историографии лингвистики датируется XIX веком.

Еще дальше отца в установлении межъязыковых аналогий пошел А.Этьен: углубленные исследования в сфере сопоставления родного языка с латинским, греческим и итальянским позволили ему выйти за рамки этимологических разысканий в области лексики и, поднявшись на более высокий уровень лингвистического анализа, обнаружить типично французские грамматические явления, например, такую черту французского артикля, как способность различать общее и частное значение имен.

В отличие от большинства грамматистов своего времени Л.Мегре и П. де ла Раме стремились отойти от занимавшего всеобщее внимание поиска параллелей между французским и классическими языками. В соответствии со своим пониманием сущности грамматики, они были заняты рассмотрением совокупности форм французского узуса и выведением на основании их анализа образцов правильной французской речи.

Неоднозначность использования принципа языкового релятивизма в грамматических описаниях эпохи Возрождения проявила себя и в том, что далеко не все уровни грамматического анализа и все грамматические категории были в равной мере освещены сквозь призму языкового сопоставления. К примеру, при описании грамматической категории числа французского имени (*numerus, nombre*) данный принцип оказался невостребованным, поскольку внимание авторов грамматик было всецело сосредоточено на описании характерных проявлений французского узуса в образовании форм числа. В то же время при описании категорий сравнения (*comparatio, comparaison*) и склонения (*declinatio, déclinaison*) этот принцип получил достаточно широкое применение, став действенным средством в выявлении сходств и различий между разноструктурными языками. Так, при описании французских компаративов и суперлативов в национальных грамматиках обнаруживается стремление гуманистов найти весомые аргументы в пользу генетической близости родного языка с престижными языками того времени, что, по их представлениям, должно было служить неоспоримым доказательством его совершенства. При описании категорий склонения и падежа в ренессансных грамматиках широко представлены «переводные» парадигмы, показывающие

функциональную и этимологическую близость между формами французских артиклей и латинских указательных местоимений *ille, illa, illi*.

Именно в результате поиска межъязыковых «расхождений» и «соответствий» гуманисты пришли к созданию первых сопоставительных грамматик, открыв тем самым перспективы для типологических изысканий в языкознании Нового времени.

Итак, анализ французского грамматического наследия XVI в. дает основание говорить о том, что совокупность представлений о языке, сложившихся в эпоху Возрождения, и способы моделирования этих представлений определялись и направлялись условиями, в которых происходило становление новой грамматической парадигмы. Опираясь на длительную предшествующую традицию, лингвистическое сознание эпохи способствовало преемственности знания и непрерывности грамматической традиции в целом. Диалогичность, ставшая одной из примет ренессансной культуры, обеспечила движение мысли и привела к открытости системы и структуры знания о языке для новых веяний, надолго определивших пути развития французской грамматики.

Литература

- 1 Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.
- 2 Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания: Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. – М., 1985.
- 3 Олышки Л. История научной литературы на новых языках Т.2 – М.-Л., 1934.
- 4 Clément L. Henri Estienne et son œuvre française : Etude d'histoire littéraire et de philologie. – P., 1898
5. Hausmann F.J. Louis Meigret. Humaniste et linguiste // *Historiographia linguistica*. – 1980. N 3 (VII). – Pp. 335-350
6. Stéfanini J. Jules César Scaliger et son *De causis linguae Latinae* // *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics*. – Berlin ; New-York, 1976 – Pp. 317-330.

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИКТОРИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И.И. Морозова
Харьков

В настоящее время в лингвокультурологии много внимания уделяется современному состоянию английского коммуникативного поведения (например, Вохрышева 2001; Стернин 2003), однако исследований, посвященных специфике Викторианской эпохи, практически не существует (Шевченко 2003). Данная работа представляет собой попытку анализа взаимодействия и взаимовлияния викторианской культуры и способов реализации коммуникативного принципа вежливости (в виде стратегий позитивной и негативной вежливости (Brown 1987)) в типичных коммуникативных ситуациях языковой личности викторианской женщины. Последнюю определяем как типизированного представителя средних/высших слоев лингвокультурной общности.